

КРЫМСКАЯ ДОРОГА

Майя
Никулина

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Майя Никулина

Крымская дорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051365

Крымская дорога:

ISBN 978-5-91627-196-6

Аннотация

Книга екатеринбургского поэта Майи Никулиной, состоит из стихотворений, написанных в разные годы. По словам Юрия Казарина «есть поэты, которые первую половину жизни здороваются с миром, а вторую половину жизни – прощаются. М. Никулина – приветствует, прощаясь, и прощается, приветствуя мир, красоту и силу жизни, смерти и любви». Имя Майи Никулиной – ключевое в организации пространства культуры и художественной словесности как на Урале, так и в России в целом. Вокруг этого поэта ещё в шестидесятых годах образовалась группа талантливых авторов, оказавших впоследствии заметное влияние на развитие отечественной поэзии. Книга Майи Никулиной – это одновременно и проверенный временем сборник лучшего, что было создано поэтом, – и памятник незабываемости истинной поэзии в очередную эпоху литературной смуты.

Содержание

Предисловие	4
«К исходу октября ложится снег...»	8
«В полмира снег, сугробы и метели...»	9
«Непогода, погода, беда.....»	11
«Засыпали прямо на гряде...»	12
«Прощание. Голос трубы...»	14
Сентябрь	16
«Чего он ждёт, святая простота...»	18
«Время твоё отошло и ждёт...»	20
«Пристань и город у тёмной воды...»	21
«Сохнет на камне соль...»	22
«Гордости последняя твердыня...»	24
«До самого синего моря...»	25
«Звёздный гонец опоздал...»	27
Прощание с Севастополем	28
«Лес был слепой, капельный...»	29
«Редкие троллейбусы скрипят...»	31
«Друзья мои...»	33
«Ветер повеет сладью медовой...»	34
«Ой, Сиваш, ни паруса, ни лодки...»	36
«Был живой и молодой...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Майя Никулина

Крымская дорога

Предисловие

Сегодня невозможно представить нестоличную литературу без стихотворений Майи Никулиной. Нестоличность – феномен социальный, литературный: поэтосфера, в отличие от «литературной жизни» и «литературного процесса», остаётся монолитной, цельной и вполне системной, – тогда как «литература» происходит и проистекает по законам, порождающимся и регулирующимся обществом, рынком и модой. Русская поэзия как часть мировой равнодушна к месту и времени, она существует всюду и всегда.

Русская поэзия равнодушна к Чернышевскому, Добролюбову, Воронскому и Синявскому. Она жаждет поэтологического и концептуального уровня «Разговора о Данте» О. Э. Мандельштама. Русская поэзия ждёт коренных просодических перемен и обновлений. И они грядут: верлибр синтезируется с тоникой, и уже сегодня мы видим, слышим и нормально воспринимаем «гибридную» просодию новых русских стихотворений (в Европе это уже произошло: Сильвия Платт, Пауль Целан, Филипп Жакоте породнили верлибр с традиционной силлаботоникой) – свободных стихотворений

О. Седаковой, А. Алёхина, А. Зеленовой и др.

Основы словесной культуры укрепляются поэзией (вербальной, подлинной, онтологически неизбежной). В каждом городе есть поэт и поэты, стихотворцы и стихописатели. Поэт есть прежде всего центр общей культуры и культуры словесности в том или ином месте и времени. Первая книга Майи Никулиной вышла в свет в 1969 г. – вот дата рождения поэзии на Среднем Урале. Если в Перми в то время единственным и подлинным поэтом был Алексей Решетов, то в Свердловске единственным неидеологизированным поэтом оказалась М. Никулина, вокруг которой объединились молодые С. Кабаков, А. Застырец, Е. Касимов, А. Верников, Е. Ройзман, В. Месяц, А. Фомин, В. Смирнов и многие иные: все знали в 60–80–х Майю Никулину, и все тянулись к ней, и всем она помогала и помогла. Её книги (а их немного) стали знаками мировой и русской культуры, образцами истинной, первородной поэзии, которая появилась в закрытом промышленно-военном городе несмотря ни на что.

Поэтическое мышление М. Никулиной универсально и в качественном, и в квантитативном отношении: музыка, образ и мысль выражается в различных объёмах или одного стихотворения, или цикла, или поэмы, или книги. Если Мандельштам писал одно стихотворение – из текста в текст, но не рефренно, а параллельно и альтернативно, – то Никулина создаёт ряд, парадигму поэтических текстов, репрезентируя, как и Мандельштам, цельную картину мира историче-

ского, культурного, социального, антропологического, – мира душевного, духовного и мудрого, наполненного природной нравственностью.

Темна душа. Но истина проста —
сядь на траву, дыши ребёнку в темя,
и свяжется разорванное время,
и вещи встанут на свои места.
И ты поймёшь тоску оленьих глаз
и горечь осеняющей долины...
Но зрячий виноград так долго смотрит в спину,
что точно видит всё вокруг и после нас.

Музыка, мысли и образы поэзии М. Никулиной одновременно и вещественны, осязаемы и метафизичны – предощутимы. Поэт мыслит жизнью, смертью, любовью, временем и пространством (России, Греции, Крыма, Древнего Рима и т.д.), которые – все вместе и как одно целое – стремятся к бесконечности. Гармония поэзии М. Никулиной стереоскопична: звуковое, мелодическое, ритмическое порождает смысловое, концептуальное, – это и есть особая Никулинская красота всего живого и погибшего, но оставшегося бессмертным. Герой стихотворений Никулиной – память во всех возможных её ипостасях и статусах: прапамять, архепамять, кровная память, культурная память, духовная память, гео-память, астро-память и пост-память, не имеющая пределов. Именно память запечатлена в её прозаических трудах –

художественных, научных, культурологических и философских (рассказы, статьи о поэзии и литературе, исследования, посвящённые мифотворчеству П. П. Бажова и порождению мифов землёй, камнем, пещерой, мастером): миф – это конец мира и начало памяти, из которого появляется новый мир.

Есть поэты, которые первую половину жизни здороваются с миром, а вторую половину жизни – прощаются. М. Никулина – приветствует, прощаясь, и прощается, приветствуя мир, красоту и силу жизни, смерти и любви.

Судьбу не пытаю. Любви не прошу.

Уже до всего допросилась.

*Легко своё бедное тело ношу —
до чистой души обносилась.*

До кухонной голой беды дожила.

*Тугое поющее горло
огнём опалила, тоской извела,
до чистого голоса стёрла.*

ЮРИЙ КАЗАРИН

«К исходу октября ложится снег...»

К исходу октября ложится снег.
Еще не зимний.

Но уже понятно,
что наша жизнь похожа на побег
на юг.

И возвращение обратно.

Что каждый лебединый перелёт
живым пунктиром, каждым птичьим телом
сшивает разноцветные уделы
в единый населённый небосвод.

Тогда перо, упавшее в траву,
не просто подтверждение соседства,
но в полной мере права на наследство
законного: я тоже здесь живу.

Уже гремят осенние пиры,
уже приветы северного дома
готовы. И священные дары
обёрнуты в пшеничную солому...

«В полмира снег, сугробы и метели...»

В полмира снег, сугробы и метели,
сплошная ледяная благодать...

Ну где еще о Греции мечтать,
когда бы не Россия.

В самом деле, —
как, возлюбив её печальный дым
и в полузвездах небо жестяное,
не разобрать, что дальше — седьмое —
должно быть тёплым, синим и чужим,

что полновесный северный гранит
и долгих зим блестящие избытки
уже диктуют мимолётный Крит,
светящийся на журавлиной нитке,

что вставшая из плодоносных вод
скала обетованная всего-то
на расстоянье птичьего полёта
от наших безразмерных непогод,

и просто выйти к южному крыльцу
и разглядеть в смятении туземном,
что небо общее над морем Средиземным,

как зеркало, приподнято к лицу.

«Непогода, погода, беда.....»

Непогода, погода, беда...
Старики говорят, никогда
не бывало подобного лиха:
то грохочет безоблачный зной,
то гудит звездопад-листобой,
то, как в омуте, тихо.

А над садом июльская сушь,
бездорожье, вселенская глушь...
Но легко разрушая прогнозы —
в небе тесно от праведных душ —
начинаются грозы.

«Засыпали прямо на гряде...»

Засыпали прямо на гряде
рядом с помидорами и луком;
абрикосы падали со стуком
и светились в желтой борозде

устрашая утреннюю высь
призраком пожара и разрухи.
Говорили темные старухи:
«Больно абрикосы удались...».

Ведрами носили по двору,
высыпали в полог полотняный,
пополняли долгую жару
жаром абрикосовой поляны.

Кто нас, спящих, в этаком чаду
выследил и наш приют печальный
обозначил строчкой пасторальной
«Спали в абрикосовом саду...».

Нам осталось вещи увязать,
на пороге сесть и дожидаться...
Боже правый, как нам было знать,
где мы завтра будем просыпаться...

«Прощание. Голос трубы...»

Прощание. Голос трубы.
Рукою машу через силу —
такая обида, помилуй,
легко ли так сразу забыть...

Такая прекрасная жизнь.
Такое огромное лето.
Такая любовь... Обернись,
уверуй в неё напоследок.

Уверуйте, сделайте вид,
что вам хорошо и счастливо,
засмейтесь, замрите на миг
на фоне горы и залива.

И пусть я пройду под конец
на этих весёлых поминках
под стоны трубы и волынки,
зубами зажав бубенец.

Как будто я снова люблю
и небо, и дальние дали,
как будто я вас веселю,
а вы и взаправду не знали,

что это фотограф-мастак
услышал отбой за горами
и сделал сознательно так,
чтоб я получилась не с вами.

Сентябрь

У, баловень... Горит трава,
когда он, разойдясь на славу,
сшибает лбами дерева
и мечет яблоки в канаву.

Проймет до слёз, пойдёт навзрыд
и бесконечно озадачит —
Бахчисараем или Качей —
спохватится и одарит.

Чтоб сад, оливы у ворот,
сухие травы под навесом...
Назначит день, укажет место
и смуглым мальчиком придёт.

Тогда уж лучше не перечить.
И принимать. Кто знает днём,
где он опомнится под вечер
и кем прикинется потом...

По огородам, по задворкам,
сверчком на розовом шестке,
полубезумным стихотворцем,
поднявшим мир на волоске.

«Чего он ждёт, святая простота...»

Чего он ждёт, святая простота,
зачем он ночью ходит по проселку,
зачем поверх лилового куста
глядит, как птица, пристально и долго?
Он гол и светел, как февральский сад,
он весь в огне, в жару, на солнцепёке,
как будто чей-то промысел жестокий
его тоской сжигает невпопад,
не в силах отрешиться и забыть...

Грохочет вал отпрянувшей судьбы,
и ласточки, изогнутые громом,
уже кричат и кружатся над домом.

А молодость, как крымская дорога
среди полыни и сухого дрока,
прохладны горы, море далеко,
и кажется – совсем ещё немного —
прольются мёд, вино и молоко,
над желтой степью встанет царский город,
тяжёлый парус вздрогнет над Босфором
и поплывёт, над бездной накренясь,
и молодости чёрная напасть
погонит нас дорогой роковой

за белой одиссеевой кормой.

Большое солнце блещет на весле,
попутный ветер обрывает снасти,
и ночью прижимают нас к земле
почти кровосмесительные страсти.

«Время твоё отошло и ждёт...»

Время твоё отошло и ждёт.
Имя иссякло и опустело...
В низкой ограде трава растёт —
это восходит душа из тела.

Вольноотпущеннице судьбы,
райской страдальце и жилице,
как ей не терпится воплотиться
в розовый камень, траву и птицу,
только бы к дому поближе быть.

Только б стереть роковой предел
краткой, бездумной и нежной плоти...
Долго и горько из наших тел
осиротевшая боль уходит.

И, не умея оставить нас,
вдруг обступает апрельским садом
и расцветает легко и рядом,
вытянув розы до самых глаз.

«Пристань и город у тёмной воды...»

Пристань и город у тёмной воды.
Морок сиреней полночных.
Как мне добраться до этой беды?
– Катером, – скажут, – короче...

Катером, катером, с белой толпой,
вдоль берегов окаянных,
дальше души моей полуживой,
шёлковой, злой, бездыханной,

дальше моих спасающих строк...
Море внизу и в тумане,
камни стареют, мелеет песок,
сохнет трава в Инкермане.

Справа и слева над узкой тропой
круглые, частые луны...
О, не вчера ли мы были с тобой
единолики и юны?..

«Сохнет на камне соль...»

Сохнет на камне соль.
Море о берег бьёт.
В сердце такая боль,
будто уходит флот.

Парусный, молодой,
яростный, как тоска,
выпростав над водой
белые облака.

Просто глядеть вперед
с легкого корабля.
Он – ещё весь полет,
мы – уже все земля.

Нами уже стократ
вычерпаны до дна
суть и цена утрат.
Только теперь догнал

юный неслетный грех —
все мы в урочный час
недолюбили тех,
что провожали нас.

«Гордости последняя твердыня...»

Гордости последняя твердыня,
времени простое торжество.
– Помнишь, как мы были молодыми?
– Я ещё не помню ничего.

Я ещё живу твоей победой,
августейшим месяцем, теплом,
скоротечной сладостью побега,
звёздами под самым потолком,

утренним сиянием колодца,
грозной правдой слова твоего.
– Знаешь, как всё это отзовется?
– Я ещё не знаю ничего.

Просто я иду в ночной пустыне
и уже не вижу с высоты,
как цветут в оставленной долине
чёрные и белые цветы.

«До самого синего моря...»

До самого синего моря
большая дорога ведёт.
Сухой терпеливый цикорий
до самого снега цветёт.

И столько любви и согласия
в обычном осеннем труде,
что сердце не вынесет счастья
и тайно склонится к беде

в наивном древесном расчёте,
где после зимы столбовой,
послушная долгой природе,
беда обернётся весной,

зелёным добром обернётся
когда-то в положенный срок.
Не зря же кругом остается
так много травы и дорог,

теченье гудков пароходных
и в пыльных, широких кустах —
движение птиц перелётных,
зимующих в этих местах.

«Звёздный гонец опоздал...»

Звёздный гонец опоздал.
Тихая почта земная,
верную службу справляя,
штопает этот провал.

Осень. Сквозной неуют.
Ветер разносит планету.
Как погорельцы, по свету
бедные письма идут.

Тянутся, тают во тьме
птицы мои одиночки,
вроде поправки к зиме
или последней отсрочки.

Прощание с Севастополем

Конец сезона. Первое ненастье.
Испарина на гулких площадях.
Предчувствием ненужного несчастья
сжимает горло. Сохнет на губах

густая соль несказанного слова...
Как будто поезда и корабли
отпрянули от сердца и земли
и обнажили берег и основу.

И белый город, сбывшийся во мне,
гудел, как время, свыше и извне,
стекал к воде и поднимался в гору,
жестоко обступал со всех сторон,
как высший суд и как земной закон,
и был, как жизнь и как могила, впору.

Упало небо тесного вокзала.
Бегучий свет разлучного огня
пылал на рельсах.

И судьба кричала
вокруг меня и впереди меня.

«Лес был слепой, капельный...»

Лес был слепой, капельный,
в утре, в росе, в дожде...
Леший ходил похмельный,
с блёстками в бороде.

Леший стоял усталый
возле больших стволов,
лешему было мало
сытных лесных хлебов.

Как он хотел в долину,
где, позабыв о нём,
женщинагнула спину
над голубым бельём.

Леший боялся шума,
всхлипывал, как птенец.
Тихо стоял и думал —
вышла бы наконец!

Лучше бы за грибами,
тропочкой, за холмы...
Встретиться бы глазами,
помнить бы до зимы.

«Редкие троллейбусы скрипят...»

Редкие троллейбусы скрипят,
топчутся у красного огня.
Десять остановок до тебя.
Десять остановок до меня.

Город начинается, как лес,
город поднимает до небес
песню коммунального гнезда —
мы её не слышим никогда.

Яростная, гулкая тоска
кружит снегопад и листопад...
Песня соловьиная сладка —
соловей ни в чём не виноват.

В каменном орешнике живём,
песни одинокие поём,
маемся у леса на виду,
горла запрокинув в темноту.

Я ещё маленько потерплю,
пяточок заветный накоплю...
Помолчу у песни на краю, —
проезжай – я мимо постою...

«Друзья мои...»

Друзья мои,
сладчайшими словами
не воротить и рук не отогреть...
Как я хотела раньше умереть,
чтоб никогда не расставаться с вами.

Поэты, голодранцы, крикуны,
живые дети смерти и войны,
последние погибшие солдаты,
ни перед кем уже не виноваты,
посмертной славой не защищены.

Оставшиеся грозно молодыми,
застывшие в ребяческой гордыне,
глядите нам, неизвестным, вослед
весёлыми и страшными глазами...
Не в том печаль, что нет вас рядом
с нами, —

в помине нет...

Уже в помине нет.

«Ветер повеет сладью медовой...»

Ветер повеет сладью медовой,
прелью болотной, травой перестойной...

А на деревне всё девки да вдовы —
вроде бы тихо, да беспокойно.

Бабка ведром на крыльце погремела,
шорканный веник приткнула у печки.

— Ты бы, молодка, в избе посидела —
вон как русалки балуют у речки.

— Что же ты, бабка, от них бережешься —
время прошло и беда миновала.

— Ох, не от всякой беды упасёшься,
да и от счастья радости мало.

Скажешь, что горе — тоже до срока...

Время далёко, а омут под боком...

Может, и правда, пропащие души,
только всё тянет плакать и слушать —

вот и жалеют, что боль отгуляла,
что холодна им речная могила...

Чёрного хлеба им не достало,
горькой цибули им не хватило...

«Ой, Сиваш, ни паруса, ни лодки...»

Ой, Сиваш, ни паруса, ни лодки,
тёмный берег, низкая вода —
до звезды, до горла, до пилотки —
хватит, чтобы сгинуть навсегда.

Я стою на кормочке лядащей,
на краю скудеющей земли...
Перевозчик, лодочник пропащий,
что ты там замешкался вдали?

Или ты гуляешь по откосам,
по траве, по серому песку,
или чинишь сломанные вёсла
сорок лет на крымском берегу?

Ой, Сиваш, свинцовая остуда,
не огонь, не суша, не вода...
Ты молчишь и правишь ниоткуда,
я зову и плачу никуда...

«Был живой и молодой...»

Был живой и молодой
с молодыми и живыми.
А какой он был со мной? —
А такой же, как с другими.

О погоде говорил —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.